

Литература

1. Пунегов, К.В. Модернизация как планово-рыночный механизм развития реального сектора/ К.В. Пунегов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 5. – С. 132.
2. Конкурентоспособность экономики: инновационный подход: монография / автор. колл.; В.И. Кудашов [и др.]; под общ. ред. В.И. Кудашова, А.С. Головачева. – Минск, 2010.

Щербакова Е.О., Лойко А.И. Рискогенный образ души современного человека: между нигилизмом и духовностью

Современное общество представляет собой динамичную систему, развивающуюся в соответствии с принципом ускорения социального времени. Тенденция к глобализации, взаимозависимости мирового пространства и открытости социальных систем выступает катализатором производства и воспроизводства рисков.

Идея риска тесно связана с современностью, даже сам термин «риск» появился в концепциях «ориентированного на будущее общества», где опасности оцениваются в проекции будущих возможностей. Сегодня проблема риска и безопасности все более актуальна ввиду неспособности контролировать будущее. Помимо привычного внешнего риска, продуцируемого природой, в современном обществе появился производный риск, продуцируемый вмешательством человека. Производственные риски отражаются как на отдельном индивиде, так и на обществе в целом. Основная сложность заключается в невозможности прогнозирования рисков и отсутствии опыта реагирования на них. В тоже время постоянное изменение социальных позиций и общественного сознания в условиях все нарастающей открытости социальных систем формирует все новые риски, и анализ их воздействия на индивида и общество становится одной из наиболее актуальных тем в современной науке.

Глобализация мирового пространства детерминирует рискогенность белорусского общества в интерзависимом, открытом

мировом пространстве. Теоретическими индикаторами господства производства рисков выступает трансформация социального порядка. Для белорусского общества свойственны следующие риски: исторические, культурные, политические, социальные, экономические, экологические.

Многогранность проблемы рисков и безопасности детерминирует наличие большого количества подходов к ее исследованию. Сегодня среди основных направлений изучения данного проблемного поля можно выделить следующие: риск как фактор развития современного общества; экономические риски и рисковые ситуации в экономике, бизнесе и внешнеэкономической деятельности; проблемы социальной безопасности; экологические риски; управление риском; проблемы социальной неопределенности и нестабильности; технологические и информационные риски; риски и девиация.

Тема риска и рисковенного образа души человека весьма актуальна для современной философии. Она нашла свое отражение в трудах ряда представителей различных философских школ. Так, например, у Н. Макиавелли «риск» связан с понятием судьбы, которой противопоставляется способность человека определять свою судьбу и активную деятельность. Французский математик и философ Б. Паскаль доказал, что индивид способен принимать решения в рискованной ситуации неопределенности исхода и рационализировать возможные варианты будущего с помощью формул и чисел. Тема риска и свободы отчетливо звучит и в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра. Понятие «риска» изучается и в разрезе теории мотивации достижения успеха, основанных на признании взаимосвязи определенных личностных факторов и склонности к принятию решения с различной степенью риска. М. Цукерман обосновал влияние пола и других социально-демографических факторов на рискованное поведение. В.А. Петровский и А.П. Корнилов определяют степень готовности к риску как производную от личностного потенциала индивида действовать в ситуации неопределенности. Популярна культурная теория восприятия риска, согласно которой восприятие и принятие риска социальными группами соответствует культурным особенностям и социокультурным ценностям. Австралийский исследователь Д. Лаптон определяет риск как следствие

социокультурных и политических процессов, когда риск сам является фактором изменений в обществе. В.И. Зубков определяет риск как социальное поведение субъекта в условиях неопределенности исходов и апеллирует к риску как к деятельности по выбору возможности с учетом действующих морально-этических норм.

Жизнь в «обществе риска» не может не сказываться на населении, ибо риски самым непосредственным образом находят отражение в общественном сознании. Основными характеристиками поведения человека в «обществе риска» являются:

- человек опасается думать о будущем и ориентируется на сегодняшний день, на достижение немедленного успеха, на получение моментальной, сиюминутной выгоды;
- горизонт мышления человека ограничивается ежедневным существованием;
- конформизм, когда люди привыкают к повседневным рискам, привыкают мыслить в категориях кризиса, не задумываются над тем, как можно эти риски устранить.

Необходимым условием результативности действия механизма нивелирование рисков является институт доверия. Здесь возникает еще одна проблема, связанная с рискогенностью души современного человека. Поскольку «общество риска» порождает распространение мировоззренческой позиции, ставящая под сомнение общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности, культуры. Рискогенные процессы и нестабильность социума продуцируют недоверие к возможностям и институтам гражданского общества, неприятие законов и системы правил поведения, отрицание норм одежды, внешнего вида оформления зданий и даже «образа жизни». Социальная и системная интеграция оказываются разделены. Традиционная нравственность распадается на моральность и легальность, моральные нормы и запреты оказываются фактически ограничены сферой приватной жизни, в профессиональной деятельности все сводится к исполнению писанных законов. В этом и заключается одна из причин массовизации различных форм нигилизма, прежде всего правового и морального. В свою очередь, различные формы нигилизма в современном обществе приобретают характер единого социального

нигилизма, выражающегося в недоверии и к общественным ценностям, и к идеалам, и к политико-правовым институтам, и к разнообразным нормам и правилам.

Основной потребностью современного общества является понимание значения этого самого общества, потребность в высоком уровне сознательности, потребность в солидарности с различными социальными структурами. То, что в традиционных обществах обеспечивалось автоматически благодаря их укладу, в обществах современного типа должно быть гарантировано поддержкой со стороны сознательных граждан, разделяющих заботу о коллективном благе. И, соответственно, отказ от этого представляется социальным нигилизмом, причины которого в деформации социальной жизни, в деструкции и нарушении естественных коммуникаций между его членами.

Пути преодоления социального нигилизма и коррекция сознания субъектов нигилистической позиции связана с изменением и смещением социальных и культурных стандартов, которые могут проводиться по трем основным направлениям:

- превентивные меры, направленные на недопущение «нигилизации» общественного сознания;
- «очищение» массового сознания от нигилистических интенций;
- перекодировку нигилистических установок, подразумевающую переориентацию от деструктивного, тотального нигилизма на его конструктивные формы в виде социальной критики.

Всплески бунтарства приходятся на те моменты социального бытия, когда возрастание энтропии приводят к нарушению существующего консенсуса, обеспечивающего устойчивость и стабильность общества. В этих условиях происходит перепрограммирование массового сознания, в результате которого личность перестает признавать собственную зависимость от традиционного социального габитуса. Поэтому эффективность механизма нивелирования риска социального нигилизма зависит и от признания приоритетности этического начала перед рациональным, обращенности личности к универсальным экзистенциалам, таким как страх, надежда, избавление.

То ли под влиянием работ Ф. Хайека, то ли под впечатлением уже ставшего постоянным в культуре опыта конструирования социальной реальности с новой силой развернулась в социальных

науках дискуссия о феноменах конструктивизма и реализма [1]. Выяснилось, что расставшееся с прошлым человечество оказалось один на один с проблематичным будущим [2].

Проблематичность будущему придает растущая валотильность экономической жизни, которая держит человечество в особом режиме тревожных ожиданий. В результате возник спрос на интеллектуальных предсказателей, сконцентрировавшихся в рейтинговых компаниях. При этом тревожность создает то, что за предсказанием не обязательно следует рецепт минимизации рисков. Если он и высказывается, то действие блокируется институциональной рутинной, менталитетом, локальным подходом к решению проблемы. В результате отсутствия консолидированной стратегии действий проблемы продолжают свое существование на экономическом рынке. Одним из примеров стала ситуация на рынке энергетических ресурсов, где предложение значительно превышает спрос. Ситуация используется для устранения конкурентов с нефтяного рынка за счет поддержания мировых цен, выгодных только узкому кругу производителей. Особенно актуальна эта ситуация для евразийского экономического союза, экономика которого напрямую связана с экспортными поставками нефти и газа на мировой рынок. Чтобы минимизировать риски зависимости от рынка энергетических ресурсов и свойственных ему колебаний мировых цен, предлагаются сценарии придания евразийскому региону нового качества в форме модернизирующейся структурно экономики, в которой все большую роль будет играть высокотехнологический сектор производственной деятельности. Одним из последних аргументов стал фактор технологических революций. В свете этого фактора существующие экономические системы вынуждены будут иметь дело с феноменом четвертой промышленной революции, еще более углубляющем факторы человеко-машинного взаимодействия. На уровне инженерной практики речь идет о возрастающем использовании в промышленности технологий 3D.

Когда в социальной системе, интегрированной в биосферу, идут постоянные перемены, которые начинают влиять не только на ее динамическое равновесие, но и на возможности динамического равновесия локальных природных систем, то возникает вопрос об институциональных ресурсах динамического равновесия

природных и социальных систем в контексте их взаимной эволюции. В такой постановке этот вопрос не присутствовал в общественном сознании человечества до второй половины XX столетия. Человечество находилось в рутине повседневной жизни, борьбы за меркантильные и политические интересы, обретших мотивацию в период промышленной революции научно-технических изменений. Важную роль играл механизм международного разделения труда. Экономические и политические интересы доминировали над всеми остальными. Создаваемые таким образом жизни риски динамическому равновесию биосферы не принимались во внимание. Этому не способствовали, обнаруженные в начале XX столетия многочисленные факты гибели цивилизаций. Объяснение О. Шпенглером этим фактам было дано чисто биологическое, растительное через понятия рождения, роста, расцвета, увядания, гибели [3]. Одни цивилизации погибают, другие находятся в это время на различных этапах жизненного цикла. В эту растительную институциональную инфраструктуру вмешивается, по мнению К. Ясперса, координирующий фактор осевого времени [4].

Л.Н. Гумилев полагал, что в возможностях продления жизненных ресурсов институциональной среды цивилизации важную роль играет антропологическая пассионарная компонента [5]. Пассионарии актуализируют свое присутствие в пространстве конкретной цивилизации как пришельцы, или же их генерирует народонаселение цивилизации, находящейся в стадии становления, поиска динамического равновесия. В случае России пассионариев генерировало восточнославянское население, которое имело уже собственную региональную идентичность. В случае Средиземноморья ресурсы местных пассионариев в лице египтян, этрусков, греков, македонцев, персов, финикийцев, римлян сменили пришлые пассионарии в лице арабов, тюрков. В начале XXI столетия на вершине конкурентной геополитической среды находятся пассионарии, представленные англо-американцами и великороссами. Они сформировали форватеры для лояльных им цивилизационных пространств. Там, где их интересы не имеют четкой демаркации, имеют место пространства гибридной войны. В сочетании с факторами нестабильности, теневой экономики эти территории формируют миграционные потоки, оказывающие

давление на локальные институциональные структуры на национальном уровне, что особенно наглядно проявляется на примере европейского региона.

Факт сосредоточенности человечества на собственных интересах и собственной социальной эволюции, сопровождающейся ростом антропогенного давления на биосферу, свидетельствует, или об отсутствии четкого понимания возросших рисков для динамического равновесия биосферы, или уверенности в наличии перспективы. Человечество знает уже о том, что в пределах Солнечной системы оно сможет находиться не более пяти миллиардов лет. Эта дата определяется жизненным циклом Солнца как природного термоядерного реактора. После того, как в этом реакторе закончится топливо в виде водорода, звезда трансформируется и займет по объему своей массы пространство вплоть до орбиты Земли. Но когда речь идет о еще достаточно большом запасе исторического времени и невысоких рисках, связанных с космическими бомбардировками, то область реальных рисков и угроз большинством человечества ассоциируется с социальным пространством. Природные катаклизмы принимаются как неизбежность, обусловленная географическими особенностями локальных пространств. Создавшие в таких местах государства и страны народы интегрированы в эти естественные риски и возможные экономические и людские потери. Если им позволяет их экономические и технологические ресурсы, то они создают необходимую основу для минимизации последствий природных стихий. В государствах, где таких возможностей нет, последствия исчисляются большими потерями. Но всякий раз люди восстанавливают разрушенное пространство и остаются в его пределах по причине аргументов, связанных с оседлостью, плодородием. Фактически природные риски стали частью их социальной жизни. Самые населенные территории Земли находятся в сейсмически опасных пространствах. Климатические факторы холода более действенны на человечество, хотя и менее опасны для него по сравнению, с густо населенными, океаническими и морскими побережьями. Это наблюдение дает основание предположить, что у человечества исторически выработалась модель социального бытия не с позиции подбора пространства минимальных рисков, а с позиции преимуществ, обладание

которыми предполагает риски возможных потерь, вплоть до гибели городов и цивилизаций.

Рискогенный образ жизни человечества сопровождается исторически сформировавшаяся психология диалога с природой. Она представлена институтами мифологии, мистики, шаманства. Когда интерес людей сосредоточился на их внутреннем мире, актуализировались монотеистические религии. Природа стала рассматриваться как часть более универсального замысла Бога. В этом замысле важную роль играют высокие гарантии динамического равновесия природных и социальных систем. При духовном контакте с таким миропониманием верующий обретает психологическое равновесие, которое могут отягощать только им иницируемые риски, относящиеся к душе. В любом случае душа вечная. Что-то побудило европейцев отказаться от подобной психологии мировосприятия и пойти по пути переоценки всех ценностей. Объяснением может лишь быть полное отсутствие ощущения опасности. К разряду реальных опасностей перестали относиться мировые войны, угроза ядерного, химического, биологического оружия. Человечество стало просто жить с этими факторами как с естественной составляющей повседневной жизни. Одной из причин подобной эволюции называют индивидуализм, когда жизнь ограничивается только собственным телом, а оно трактуется как источник наслаждений. Наслаждения убивают тело, но при этом важен сам процесс наслаждения. Не так уж и важно, сколько времени тело будет существовать. Не имеет значения генетическая, культурная преемственность. Важно иметь задекларированное право на свободу использования тела как инструмента наслаждений. В данном случае риски и опасности полностью игнорируются. Стратегическая перспектива ценностей преемственности игнорируется. Инструментальное отношение к собственному телу формирует аналогичное отношение к другим людям, как инструментальным телам. Этими телами пользуется наркотрафик, работоторговля, терроризм. Если раньше европейцы отказывались от институциональных ценностей религии, в XX столетии инициировали конфликт поколений и сексуальную революцию, то в начале XXI столетия они отказываются от ценностей европейской сентиментальной и обывательской повседневности. Им хочется новых ощущений в новых костюмах и

в сценической бутафории, напоминающей традиционную среду. Девушки устали от гендера. Мужчинам хочется острых голливудских ощущений, вплоть до самых опасных для жизни сценариев. Острота ощущений призвана вытеснить их неспособность находиться в ставшей традиционной среде повседневности. Уже привычные наслаждения наркотрафика, проституции, сопрягаются с хорошо оплачиваемым насилием под знаменами террористических организаций. Против этого зла решительно выступила современная Россия, связанная историческими корнями с православием.

Е. Полоцкая почилла в полной уверенности, что духовность приобрела статус всеобщей ценности [6]. В условиях XXI столетия мы видим уникальную тенденцию возврата духовности в пространство жизнедеятельности человечества. Эта особенность свидетельствует об онтологическом статусе духовности. Человечеству придется иметь дело не только с проблематичным будущим, но и стабилизирующим его существование историческим прошлым. Соответственно данной тенденции тема рисков все более будет концентрироваться не столько на внешних обстоятельствах, сколько на внутренних обстоятельствах институциональной жизни. Так очевидная миссия семьи рожать детей, их воспитывать, приобрела стратегическое значение в свете возникших диспропорций в структуре поколений и угрозы солидарности поколений. Риски заключены в том, что отказ от духовности означает отказ от формировавшихся религией ценностей семьи. Межпоколенная асимметрия обуславливает экономические следствия и ставит под угрозу сложившуюся практику социальных программ. Государство не сможет компенсировать финансовыми ресурсами, без восстановления механизмов духовности, издержки нигилизма. Е. Полоцкая на примере своей духовной деятельности показала как важны факторы, обозначаемые современными экономистами, как человеческий капитал, в гармоничной эволюции общества. Риски актуализируются там, где социальная и экономическая жизнь общества сводится к меркантильным отношениям, к ограниченной рациональности.

Литература

1. Лекторский, В.А. Можно ли снять оппозицию конструктивизма и реализма? / В.А. Лекторский // Социальная философия науки. Российская перспектива. – М., 2014. Т.8. С. 5-8.

2. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс / THESIS – 1994 - № 5. С. 107-134.
3. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 1991.
4. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.
5. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М., 1994.
6. Арлоу, У. Еуфрасіння Полацкая / У. Арлоу. – Мінск, 1992.

Шаврова О.Г. Духовно-нравственные аспекты глобальных проблем в православной экологии

Мировоззренческие вопросы взаимоотношений человека и общества с природой приобретают особое значение в экологической парадигме развития современного общества. В рамках данной парадигмы обосновывается необходимость развития экологической этики и экологической культуры, в связи с чем все чаще обсуждаются перспективы взаимодействия экологии и религии в решении глобальных проблем человечества. Актуализация опыта религиозных традиций в сфере экологической культуры открывает новые возможности осмысления глобальной проблематики, смещая акценты с технико-технологических, социально-экономических и политических факторов глобальной цивилизационной динамики на морально-этические и духовно-нравственные аспекты.

Важнейшим условием решения глобальных проблем и преодоления социально-экологической нестабильности в христианстве считается религиозно-нравственное совершенствование личности и повсеместное распространение христианских ценностей и идеалов. В социально-экологических концепциях христианства особое внимание уделяется религиозно-этическим аспектам мировой социодинамики. Признается тесная связь экологических проблем с проблемами предотвращения войны и обеспечения мира, научно-технического прогресса, социально-экономического неравенства, здравоохранения, образования и культуры, духовного развития личности, религиозной терпимости и др.

Православная экология получила концептуальное оформление в рамках документа «Основы социальной концепции Русской